

ПОМНИМ О ВОЙНЕ!

22 июня, как известно, был выходной день. Но известие о начале войны я получила довольно буднично: я гладила платье моей сестры и после этого вышла на балкон. Мы в нашем "углу" в доме Папудовой все дружили. Вышла я на балкон, и моя подружка Лена по прозвищу Поляча сказала довольно спокойно: "Началась война...".

Мне в это время еще не исполнилось тринадцати лет, в голове были сплошь романтические мысли, густо почерпнутые из рыцарских романов, поэтому это известие не повергло меня в ужас.

В этот день в Одессе было спокойно, поэтому многие занимались бытовыми заботами: покупали впрок спички, соль, мыло — у кого был опыт прежних войн. Мы, дети, далеко от дома не отходили по наказу родителей и яростно убивали время в игре в "дурака".

Хорошо помню обеспечение хлебом. Все жители нашего дома пошли мешочки с указанием номера квартиры, фамилии и количества человек. Хлеб развозили на ручной тележке, не было никакого ажиотажа: каждый брал свой мешочек. Поразительно: хлеб был всегда свежий и высшего качества. Такого белого, мягкого хлеба я до сих пор не ела.

Потом начались бомбежки. Объявили тревогу, и мы спускались в глубокий подвал, вход в который был на нашей "черной" лестнице. Так что мы не выходили из дома, прячась от бомб. Помню такой случай: мы жили на третьем этаже, и я сбежала быстро, а мама замешкалась. Мысль, что бомба может убить маму, а я останусь живой, погнала меня вверх, к удивлению соседей.

В этом импровизированном бомбоубежище мы чувствовали себя в безопасности: дети играли, взрослые беседовали. Первый разрушенный дом мы, дети, пошли все-таки посмотреть в Малый переулок, ныне Маяковского. Из разрушенной стены свисала простыня и часть кровати. Больше до середины июля в ближайшем центре разрушенных домов я не видела.

Так совпало, что к началу войны отец был на "сборах" — так называли плановую подготовку в армии. И он оказался на фронте. По званию он был старший лейтенант, а по должности — интендант. По долгу службы он бывал в Одессе. Родители решили, что мы с мамой должны эвакуироваться, какие-то документы были получены. В них указывалось конечное место эвакуации — город Саранск, где работал мамин брат главным инженером на элеваторе. Собрались мы уезжать морем. Сборы были недолги-

**Фуга Анатолий Георгиевич и Краснова (Фуга) Тамара Анатольевна
Май 1941 г.**

ми: один чемодан со скудными вещами. Дату я не помню, но теперь знаю, что теплоход, на котором мы должны были уехать, был потоплен 26-27 июля 1941 г. Погрузив наш чемодан, мама спросила у капитана, не можем ли мы пойти переночевать домой. Он разрешил, сказав, что будут отправляться утром. Однако когда мы пришли на причал, парохода "Ленин" уже не было.

Так мы волею судьбы спаслись от неминуемой смерти. Надо было посоветоваться, и мы с мамой поехали в село Бурлачья Балка, где главным агрономом работал брат мамы дядя Петя. В это время колхозное стадо отправляли в эвакуацию, и мы на пустой подводе примкнули к ним. Дело в том, что в это время папина часть отправляла в эвакуацию своих коней, и папа оформил нас как ответственных за двух коней и подводку, так что мы получили средство передвижения.

Еще один поразительный случай: когда мы со стадом ехали по Пересыпи, остановился трамвай, и из него вышел папа. Так мы с ним и попрощались. Для меня отъезд из Одессы казался приключением. Все воспринималось в этом ключе. Однако по пути нас бомбили, и мама решила отстать от стада: на одну повозку вряд ли обратили бы внимание с воздуха. Так мы, городские девочки, научились запрягать коней, управлять ими.

Много было случаев, в результате которых мы могли погибнуть, но ангел-хранитель нас оберегал.

По дороге в деревнях нашу "одинокую" повозку встречали радушно: выписывали хлеб, мед, масло, так что голода мы не испытывали. В одном из греческих поселений под Мариуполем маме предложили оставить меня на попечение, но об этом не могло быть и речи.

Так мы доехали до Ростова-на-Дону. Приехали мы вечером, копыта наших лошадей поцокали по проспекту Буденного — очень длинному, — и мы подъехали к пристани. Там мы сдали лошадей и сели на пароход. Тут мы испытали чувство голода, и спасли нас припасы — отруби, которые дядя Петя дал нам на такой случай. Попутчик-поляк договорился с кухонным работником, и они испекли из отрубей на воде и соли очень вкусные лепешки. С этим скарбом мы доехали до станции Калач. По дороге нас не бомбили и, доехав до Саранска, мы прислушивались к шуму самолетов уже без страха.

На станции Саранск мы, в первую очередь, зашли в станционный буфет и с большой радостью выпили по стакану жидкого, но сладкого горячего кофе с серым настоящим хлебом. Потом мы пошли искать дом дяди Сени (маминого брата). Элеватор и дом дяди Сени были очень близко от станции, но дома мы никого не застали. Дом, в котором жила семья дяди Сени, был поделен на две части. В одной жила семья дяди Сени, а в другой семья директора элеватора. Хозяйка, жена директора, рассказала нам, что в доме дяди Сени живет родственник, совсем седой мужчина, и очень горюет о своей семье, от которой нет известий. Оказалось, что это был наш отец. Так началась наша "мирная" жизнь в Саранске.

С первых дней войны отец оказался на фронте. Но в какое-то время он заболел жестокой малярией, и его отправили в госпиталь, сначала в Одессу, а потом в Кисловодск. Его возраст не подлежал тогда призыву, и его освободили из армии. Ему было тогда 45 лет, а мне 12. Свидетельством этому служит довоенная фотография с надписью и датой: 19.05.41 г., неизвестно как сохранившаяся и хранящаяся у меня.

